

ЧЕЛОВЕК ПОЗНАЮЩИЙ

Елена КОСИЛОВА

Доктор философских наук,
доцент кафедры онтологии и теории познания философского
факультета.
Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова.
119991, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский пр-т,
д. 27, к. 4;
e-mail: implicatio@yandex.ru

ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО- ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

Вопрос о том, что такое ум, всегда волновал философов. В XX в. был распространён тест IQ, позволяющий измерить быстроту интеллектуальных операций – в основном логических и вербальных. Этот показатель подвергался критике, а сама идея интеллекта была поставлена под вопрос. Стандартный IQ ничего не говорит об успешности субъекта в жизни и его умении понимать события мира за пределами абстрактных операций. Были введены понятия «эмоциональный интеллект», «социальный интеллект» и др. Американский психолог Х. Гарднер предложил 8 типов интеллекта, таких как музыкальный, кинестетический, персональный. В данной статье развивается его идея и предложен экзистенциально-феноменологический интеллект. Он отвечает за ценностное мышление субъекта, за его отношение к миру, за построение развитого мировоззрения. Критерий истины такого типа интеллекта – подлинность. Феноменологический интеллект отвечает за бесстрастное самопознание, экзистенциальный – за ценностную оценку и постановку целей. Теоретические рассуждения об экзистенциальном интеллекте проиллюстрированы примером – отношением к юмору. В конце сформулирован вопрос об интегральном

интеллекте, метаинтеллекте, который и мог бы означать ум в полном смысле слова. Такой ум относится к частным видам интеллекта подобно тому, как разум относится к рассудку у И. Канта, однако в современной развитой теории эти отношения должны быть сформулированы по-новому.

Ключевые слова: человек, интеллект, ум, IQ, экзистенциальный интеллект, феноменологический интеллект, экзистенциально-феноменологический интеллект, подлинность, юмор, Ховард Гарднер

Задача мышления о ценностях

Философы иногда рассуждают о ценностях, о человеческой экзистенции, о цели и смысле жизни и т.д. Читатели часто и ждут от философов слов об этом, потому что большинство людей так или иначе строит свою жизнь или по крайней мере хотело бы её строить. Нередко ценности, мировоззрение, цель жизни остаются у человека в каком-то его подсознательном, эксплицитно он об этом не думает, но всё же как-то «имеет что-то в виду». Эксплицитировать – обычная работа философа. Давать слова тому, что до этого пребывало в бессловесном ощущении, возможно даже, в очевидности, но не названной. Слова играют огромную роль в бытии человека. Когда что-то сказано, оно становится достоянием мысли. И в то же время его, оказывается, можно поставить под вопрос. С ним можно что-то делать, менять его, иногда улучшать. К. Ясперс называл это «просветлением экзистенции» [13]. В такого рода философской работе может оказаться заинтересован любой человек.

Данная статья родилась из размышлений автора над человеческой способностью философски мыслить о жизни. Моя прошлая книга была посвящена построению одной системы ценностей. Воплощениями этих ценностей были для меня некоторые люди, и не все из них были философы. Не удивительно, если разработанную и осмысленную систему ценностей имеет философ, он прочитал много книг, он знает, как ставить вопросы и какие вообще бывают ценности и цели. А когда глубоко подлинное, развитое ценностное сознание ты видишь у человека другой специальности, это означает, что он обладал собственными способностями так мыслить. Что это за способности? Как можно их описать? И что означает подлинность системы ценностей в этом смысле?

Вот с чего можно начать. В чём особая природа ценностей, чем они отличаются от склонностей? Есть ли предопределение к ценностям, например биологическое, связанное с темпераментом? И философия, и психология любят такие темы. В качестве примера экзистенциальной ценности можно привести подлинность (аутентичность) [6].

Но, оказывается, довольно трудно описать аутентичность на простом языке. В психологических исследованиях указывается, что аутентичность может коррелировать с определёнными психологическими шкалами,

но это не более чем корреляция, и корректнее считать её отдельной шкалой. Из этого следует, что аутентичность не является врождённой, она достигается.

Хотя бывают разные дети (этому посвящены, например, книги писателя В.П. Крапивина), размышлять о собственной аутентичности человек чаще всего начинает в достаточно зрелом возрасте. Подростковое стремление «быть собой» нельзя назвать поиском аутентичности, хотя оно ему родственно. Быть аутентичным совсем не значит «быть собой» в примитивном смысле, например делать что хочю. Весьма часто аутентичность – это недовольство собой и стремление к идеалу. Как раз в этом и заключена роль ценностного сознания. Впрочем, я не претендую дать здесь определение аутентичности. Меня интересует способность, которая нужна человеку для того, чтобы об этом думать. Это мыслительная, когнитивная способность. Но с чем она определённо сильно не коррелирует, так это с обычным IQ. Я бы назвала её феноменологически-экзистенциальным интеллектом. Ниже я постараюсь объяснить, как это можно понимать.

Множественные интеллекты и ум

Когда говорят об интеллекте, естественным образом на ум приходит тест на IQ. Критиковать тест IQ легко. Он, в зависимости от набора вопросов, измеряет быстроту (тренированность) решения или логических задач, или вербальных, или пространственных, или т.п. Такой тест IQ может хорошо справляться с диагностикой слабоумия. Ещё, если он проводится в виде батареи тестов на различные способности, он может подсказать профориентацию. Иногда высокий IQ указывает на способность сопоставлять, сравнивать, оценивать различные предметы и методы. Иметь высокий IQ приятно, но он бы помогал в жизни, если бы жизнь состояла из ответов на теоретические вопросы. Даже хорошо составленный тест на IQ вряд ли протестирует гибкость мышления, умение признавать свою неправоту, способность не поддаваться модным штампам, понимание собственной ограниченности, многогранность видения проблемы. И тем более он не показывает умения вести научную дискуссию продуктивно, поддерживать академическую и доброжелательную атмосферу в коллективе. Или, скажем, сохранять тему дискуссии, не уходя в сторону, не отвлекаясь на мелочи. С другой стороны, умение видеть за некоторыми, казалось бы, мелочами глубокие проблемы. Всё это даже в научной работе необходимо, не говоря уже о жизни в целом.

Хорошо известно, что наряду с «обычным» интеллектом, т.е. практически только логико-математическим и вербальным, введены такие понятия, как эмоциональный интеллект, социальный интеллект и др. Важна теория Х. Гарднера о множественных интеллектах, с выделением ещё музыкального, пространственного, кинестетического и др. [3]. Она замеча-

тельная, к ней у меня только одна претензия: Гарднер очень сильно привязывается к мозговому субстрату. Его теория немного напоминает модульную теорию сознания Дж. Фодора [15]. Но модули могут быть не нужны для абстрактного ума и ума в общем плане. В мозге кроме модулей есть ещё масса свободных нейронных связей и сетей, которые тренируются на решение разных задач. Нейронный субстрат есть у любого мышления, но философу, психологу и любому человеку не обязательно его знать, чтобы им действовать.

Когда сталкиваешься с многообразием интеллектов, прежде всего возникает вопрос: что такое вообще интеллект? И, пользуясь возможностями русского языка, что такое ум? Чем различаются эти две вещи, как мы можем употреблять эти термины в нашем обсуждении?

Понятно, что мы будем говорить об интеллекте в широком смысле. Тут слово ум подходит больше. Давайте для наших целей скажем, что ум – это любая способность, требующая деятельности мысли и света сознания. Это и творчество, и эстетическая оценка, и философия, и понимание людей, и понимание текста, и решение математических и логических задач, и ориентировка на местности, и риторическая способность... И, к сожалению, хитрость, и манипуляция, и ловкая ложь. Всё требует ума как сознательной мыслительной деятельности.

Два слова о бессознательном мышлении. Бессознательное в психологическом смысле может быть весьма «умным». Есть и когнитивное бессознательное [1], есть различные виды телесного «мышления». Бессознательное в смысле, идущем от З. Фрейда, иногда даёт начало сознательному мышлению, ведёт его, обеспечивает импульс. Об этом имеет смысл говорить. К тому же такое бессознательное в принципе может быть выведено на свет. В философии сознания говорят о другом бессознательном, назовём его бессознательным в смысле Д. Чалмерса. Это, как выражается Чалмерс, то, что происходит «в темноте» [14, р. 13]. Множество процессов в мозге идут в темноте, обработка зрительной информации, например, очень во многом состоит из действий, которые сознанию не доступны ни при каких условиях. Такое бессознательное мы не будем рассматривать, его нельзя включить в понятие ума.

Поскольку мы определили ум как любую мыслительную и сознательную способность, многие могут потребовать дать определение мысли и сознанию. Оставим эту работу представителям аналитической философии. Анализировать термины – их специальность. Мы же вместо этого попробуем перечислить задачи, которые стоят перед нашим, феноменологически-экзистенциальным типом ума. И прежде всего это самопознание.

Самопознание – одна из самых важных задач ума, и с философской, и с житейской точки зрения. Я – это тот человек, с которым я провожу всю жизнь. А знать себя – нетривиальная задача, тем более себя преобразовать. Уже упомянутый Х. Гарднер очень интересно рассуждает о «чувстве себя» [3]. Именно чувство себя позволяет направить свой познающий ум

на себя как человека, личность, субъекта, сознание, экзистенцию. Всё это аспекты себя, и они требуют разных способностей ума для их познания.

Экзистенциальный интеллект

Начнём с экзистенциального интеллекта, потом перейдём к феноменологическому.

В одной из поздних записей в своем блоге Х. Гарднер вводит понятие экзистенциального интеллекта (ЭИ) и даже уже ничего не пишет про необходимость мозгового субстрата [16].

Однако он подходит к идее ЭИ с весьма теоретической точки зрения. Он вспоминает великих философов, писавших в жанре экзистенциальной философии, особенно С. Кьеркегора и А. Камю. Пишет о том, что экзистенциальные вопросы – он называет их *big questions*, т.е. связанные со смертью, со смыслом жизни, – встают перед людьми в моменты кризисов, как всемирных, так и личных. Это очень правильно, перед некоторыми людьми такие вопросы действительно иногда встают. Но именно «перед некоторыми» и «иногда». Я же хочу обдумать тот ум, который позволяет нам изо дня в день общаться с людьми, строить отношения с миром, работать, читать соцсети. ЭИ Гарднера можно назвать Большим Экзистенциальным Интеллектом, БЭИ. Тот ЭИ, который нужен в жизни, – это Малый ЭИ, МЭИ. БЭИ относится к МЭИ, как, например, фундаментальная математика к умению считать. Или как написание романов к умению писать, или как спорт к обычному движению. Спорт – это хорошо, но не обязательно. А умение двигаться нужно всегда, и двигаться в жизни можно лучше или хуже. Скажем, что обычный ЭИ обеспечивает нашу способность двигаться по жизни, среди людей и явлений мира.

С любым интеллектом обычно связаны понятия истины и лжи. Стандартный IQ требует умения решать задачи, их можно решить правильно или неправильно (т.е. решить или не решить). Есть задачи на вербальный интеллект, задачи сольфеджио, управленческие задачи и т.д.

Какой критерий истины можно предположить для экзистенциального интеллекта? Очевидно, это не логическая истинность. Может быть, подойти с прагматической точки зрения? Американские разработки разных типов интеллекта сильно завязаны на социальный и даже карьерный успех. Вопрос часто стоит так: «Что важнее для карьеры, логический интеллект или эмоциональный?». Но социальный успех – это ещё не всё в жизни, а иногда и не главное. А карьерный успех – это зачастую и вовсе карикатура успеха. Поэтому разные типы успехов мы в качестве критерия рассматривать не будем.

В экзистенциальном смысле важнее разбираться в ценностях, своих и чужих. Это всегда нетривиальная задача. Экзистенция оценивается через идею подлинности, как обычно её называют в экзистенциальной философии. В психологии чаще используют термин «аутентичность» [20].

Именно подлинность является главной целью действия экзистенциального интеллекта, как у логического IQ – логическая истинность. Твой ЭИ должен работать постоянно и очень напряжённо, потому что он рассчитывает, каким тебе быть и что делать в каждой мелкой житейской ситуации. Ты всегда, в каждую секунду должен быть подлинным.

Но что такое подлинность?

Определение и даже простое описание этого понятия потребует не менее книги. Основные идеи заложены у М. Хайдеггера в «Бытии и времени» [10] и у Ж.-П. Сартра в «Бытии и ничто...» [8]. Что недостаточно подчеркнуто у Хайдеггера и на что мне хотелось бы обратить внимание – на идею присутствия. Хайдеггер полагает, что бытие человека, т.е. Dasein, является присутствием всегда, по определению. Сартр указывает на возможность «самообмана», т.е. присутствия не в качестве себя. И оказывается, что присутствовать в качестве себя – это экзистенциальный модус, который не даётся по умолчанию. Путь к подлинности начинается с пути к присутствию.

Что значит присутствовать в качестве себя? Попробую объяснить на примере из психологии.

Есть две вещи, связанные с подлинностью: искажение и естественность. Иногда другому человеку свойственно искажаться, вести себя фальшиво, в том числе без злого умысла, например из-за тревожности, страха перед другими, неумения и непривычки быть естественным (у советских поколений это бывает нередко). Вести себя естественно труднее, чем фальшиво и искусственно. Это кажется странно, но это факт жизни. Возможно, тут что-то связано с суггестией по Б. Поршневу [7, с. 430] или со слабой формой гебефренической шизоидной защиты (а мне думается, это близкие вещи). Поэтому человек, ведущий себя неестественно, сильно заражает собеседника. Нужна прямо-таки отработанная техника, чтобы продолжать держаться естественным образом. Естественность здесь и будет проявлением подлинности и присутствия.

Аналогичные вещи можно сказать об умении не держаться за социальную роль, не играть в навязанные игры, не поддаваться на манипуляции и т.п. Всё это требует присутствия себя в качестве себя. Мы видим, что для него определённы нужны некие силы, ресурсы. Но так же ясно, что нужен и некий вид интеллекта. Это и есть тот самый повседневный экзистенциальный интеллект, о котором я сказала выше.

Понятно, что экзистенциально умные люди часто думают о конечности жизни, многие с молодости, ищут свой смысл в ней, своё место, наконец, всерьёз занимаются созданием своего мировоззрения и своей личной системы ценностей. Но как раз эта теория не кажется мне особо важной. И думать об этом не кажется особо трудным. Ежемоментно и ежесекундно держаться своих ценностей и собственного присутствия гораздо труднее.

И здесь мне кажется необходимым ввести ещё один тип – или подтип – интеллекта.

Феноменологический интеллект

Х. Гарднер вводит понятие Личных интеллектов (The Personal Intelligences) и специальное чувство, на котором они основаны: чувство себя, the Sense of Self. Его обсуждение чрезвычайно интересно и продуктивно, поскольку принимает во внимание очень тонкие психологические вещи: способность к символизации собственных переживаний, понимание переживаний других людей, работы над своими эмоциями, попытки понять культурные различия. Феноменологию он не упоминает, вероятно, поскольку она вообще мало известна среди американских психологов.

Хочу упомянуть ещё одного автора, который был знаком и с феноменологической, и экзистенциальной философией: шотландско-британский психиатр Р. Лэйнг. Его работы посвящены понимающему подходу к шизофрении. Фактически он тоже описывает чувство себя, только в том сниженном и искажённом виде, в котором оно представлено у больных. Основу психопатологии шизофрении Лэйнг видит в «онтологической неуверенности», ontological insecurity. По сути, это сниженное чувство себя вследствие отсутствия бытийных ресурсов [5]. Последователями Лэйнга (кроме него, также и Ясперса, и Хайдеггера, и Бинсвангера) можно считать современную школу феноменологической психиатрии Парнаса-Захави [18; 19].

Что нам может дать их опыт для нашей проблемы подлинного существования? У них можно попробовать позаимствовать применение феноменологического метода к наблюдению за сознанием, к самопознанию. Собственно, это самая точная из известных на сегодняшний день техник обращения к себе.

Э. Гуссерль описывал её во многих своих работах под названием эпохэ, феноменологическая редукция, ещё различные виды редукции, весь набор которых для жизни, кажется, не необходим. Мы можем позаимствовать у него только идею эпохэ. Сам термин «эпохэ» Гуссерль взял у древнегреческих скептиков. У них он означал воздержание от суждений. Поэтому любое эпохэ требует определённого воздержания, определённого отказа, аскетичности мысли.

Феноменологический подход к себе, в отличие от экзистенциального, принципиально бесстрастен. Первое, от чего мы воздерживаемся, – это от оценочных суждений. Допустим, я смотрю на пирожок и хочу его съесть. Плохо это или хорошо? Вообще-то плохо с точки зрения диеты, но при феноменологическом самопознании такие суждения нам запрещены. Нам надо изучить, как пирожок представлен в нашем сознании. Почему я хочу съесть этот пирожок? Откуда я знаю, что он вкусный? Что я могу знать об этом пирожке? Что я могу знать о вкусе его начинки? Почему я смотрю на него, а не на другие пирожки рядом? Как повлиял на это внешний вид пирожка, его цена? А может быть, влияет название или то, какой продавец за прилавком? Насколько сильно я его хочу, если я отвернусь

и выйду из магазина, буду ли я помнить о нём? А может быть, потом я захочу другой пирожок с другой начинкой? И самый острый вопрос феноменологии: что играет роль в конституировании интенционального предмета, в данном случае пирожка – его объективные свойства или моё отношение к нему? То и другое, конечно, но в какой мере, в каких конкретно аспектах?

Это был юмористический пример, в жизни нам часто приходится анализировать себя в своём отношении к людям, к значимым вещам. Наше чувство себя требует, чтобы мы восприняли себя по возможности объективно, такими, как мы есть. Чего я на самом деле хочу в жизни – вот вопрос вопросов. И для того, чтобы это узнать, надо долго, внимательно, бесстрастно изучать себя. Что самопознание – нетривиальная задача, философы знали очень давно, а, скажем, психоанализ Фрейда указал на весьма конкретные препятствия к этому. Человек очень склонен иметь Я-идеал и подгонять своё чувство себя к этому идеалу. Человек очень склонен идентифицироваться с группой или с каким-то идеальным другим и опять рассматривать себя с точки зрения этой идентификации. Человек вообще склонен строить некую Я-концепцию, которая его ограничивает и закрепощает, лишает спонтанности, лишает прорывов в самопознании. Всё это было изначально понято именно в психоанализе.

Но психоанализ Фрейда подходит не ко всем случаям. Что же касается феноменологического метода, он ограничений не имеет. Скажем, моё времяпрепровождение в социальных сетях – это новая задача для самоанализа, средства для которой пока не разработаны. Здесь можно действовать только феноменологически: тщательной, детальной интроспекцией.

Что важно для феноменологического эпохэ – отказаться не только от оценочных суждений, но и от целевых. Установка на достижение цели очень часто, так сказать, путает карты. Я могу ставить себе цель достичь социального успеха, или творческого, или денежного, или даже экзистенциального (найти свой подлинный путь в жизни). Но если я хочу познать себя, то никакой цели, кроме собственно познания, брать в расчёт нельзя. Иначе познание окажется искажённым. Феноменологически можно исследовать акт целеполагания, но не судить, какая цель лучше и какие средства для её достижения лучше подходят. Выбор из целей – это задача экзистенциального интеллекта, у феноменологического такой задачи нет. Отказ от принятия во внимание целей означает отказ от анализа мышления (сознания) как инструмента, как от того, чем можно пользоваться. Это болезненный отказ, он ставит большие преграды самопознанию. Психоаналитики хорошо знают, как трудно анализировать, например, фантазии пациента, поскольку для пациента рассказать о своей фантазии означает лишиться её ценности, лишиться её как средства построения внутреннего мира. Лишаясь её, он оказывается беззащитным. И такие же защиты действуют далеко не только в контексте психоанализа. Но уходить в эту тему сейчас мы не будем.

Феноменологический анализ – трансцендентальный метод. Это означает, что он ставит целью выявление не моих личных особенностей, не того,

что характерно для меня в отличие от других людей, а описание всеобщих законов мышления, того, что у меня со всеми людьми общего. Это не психология, изучающая факты, а философия, анализирующая условия возможности фактов, говоря словами Канта. И эти условия возможности одинаковы у всех людей, обладающих сознанием. Поэтому феноменологическое исследование себя, своего сознания (а нам доступно только собственное сознание) ведёт одновременно к раскрытию нашей общности со всеми другими сознаниями. Конкретное содержание сознания у людей, конечно, разное. Но структуры, общие способы работы ума общие. Может быть, это на первых порах и не даст ощутимых плодов взаимопонимания, но даст их на более поздних этапах. Именно такой подход дал возможность Р. Лэйнгу из начала этого пункта понять переживания больных шизофренией. А они очень отличаются от переживаний нормотипичных людей. Ему потребовалось ощутить в самом себе начало «онтологической уверенности» и, соответственно, неуверенности, ему надо было ввести новое понятие, о котором раньше никто не думал. Тут важна и способность к эмпатии, благодаря которой собственные наши переживания даются нам более отчётливо. Обо всём этом можно рассуждать очень долго. Я ставила только задачу примерно набросать характеристики феноменологического интеллекта.

Совместный экзистенциально-феноменологический интеллект

Экзистенциальная философия как большое течение XX в. в значительной мере вышла из феноменологии. И Ясперс, и Хайдеггер были учениками Гуссерля, Сартр в молодости анализировал его работы. Гуссерль заложил основы глубокого анализа человеческого бытия в мире. Он по-новому показал работу конституирования смысла сознанием. Он позволил отказаться от изживших себя ходов метафизики, от примитивного социального анализа, от некорректной постановки задач в позитивизме.

Но Гуссерль был очень теоретичен. Он изучал логическое мышление и вводил «логические переживания», он анализировал восприятие игрального кубика и вводил горизонт опыта, на примере музыки он вводил темпоральный горизонт. О смерти, о любви, о скуке и вдохновении, о суете и служении призванию у него совсем мало. Именно эти жизненные вещи Хайдеггер стремился добавить в феноменологию (о любви у Хайдеггера тоже не получилось, и у Сартра тоже, а Ясперс написал хорошо, но, как и Гуссерль, слишком теоретично. Эту тему сделал своей главной темой Л. Бинсвангер [11]).

Нельзя не назвать и М. Шелера и его теорию ценностей [12]. (Шелер тоже был учеником Гуссерля.) Можно рассуждать о ценностях этически: что лучше – справедливость или милосердие? Любовь или свобода?

Служение людям или ницшеанская мораль господ? Феноменология не этика, она не сравнивает системы ценностей, не выносит оценочных суждений. Она просто указывает, что ценности есть, что они действуют так-то и так-то, соотносятся друг с другом таким-то образом. Я обнаруживаю в себе ценности, как правило, «задним числом», большой свободы в выборе ценностей у нас нет, хотя определённая свобода возможна. Но далее я думаю о них, я применяю их к своей жизни. И вот это уже задача для ЭФИ. Например, можно проанализировать вышеприведённые вопросы и подумать, корректны ли вообще названные там дихотомии. Или, скажем, поставить цель найти абсолютную ценность, противоположной которой не может быть. Или, соответственно, обосновать, почему такой ценности нет. (Я думаю, что одной из абсолютных ценностей является истина, поскольку провозглашение лжи ценностью будет самопротиворечиво.)

Эти вопросы опять могут показаться теоретическими, и у философов чаще всего они таковыми и оказываются. Но в практической жизни любого человека действуют его ценности. Если человек хочет быть умным в экзистенциально-феноменологическом смысле, ему полезно знать свои ценности, обнаружить их в себе или свободно выбрать их. Ему затем разумно будет построить в соответствии с ними свою жизнь. Так что теория такого рода очень тесно связана с практикой. Вопрос о том, каковы мои главные ценности, далеко не тривиален. Размышляя о нём, придётся поставить барьер огромному влиянию социума и культуры, господству чужих теорий. Нужно очень чутко настроить свою, так сказать, ценностную антенну. И трудно сказать, сможем ли мы сформулировать ценность, если до сих пор хотя бы кто-то в нашей культуре не предложил для нее каких-то слов.

Рассмотрим, например, работу в науке, такой как математика или физика. Там, на первый взгляд, необходим только логико-математический интеллект по Гарднеру. Он, разумеется, необходим, но если ограничиться только им, то наука станет как бы скучной игрой ума. Перед учёным должен стоять не только вопрос, как мне решить задачу, но и зачем мне это, и какое моё отношение к науке, и какое отношение к коллегам, и как и чему я научу своих детей, и открою ли я новые горизонты перед студентами. Умение мыслить приобретает особую ценность, когда оно свободно, спокойно, ясно, раскрыто к новому, способно видеть реальные противоречия, ибо они всегда есть и будут. На свой предмет оно настроено с интересом и любовью, и эта любовь, между прочим, важна и в коллективе коллег, потому что редко кто мыслит совсем в одиночестве. Коллектив субъектов, помогающих друг другу мыслить, продуктивнее в целом, чем коллектив соперников. Любовь определяет и отношение к миру, к самому бытию. Человек хорошо понимает только то, что любит. Когда не любит, впечатление от его мышления остаётся, как сейчас говорит молодёжь, душное.

Казалось бы, любовь нельзя вызвать никаким интеллектуальным актом, хотя бы даже это был экзистенциальный интеллект. На самом деле, можно. Почти у каждого человека есть большой потенциал любви. Но предмет

этой любви может оказаться разным, и у многих это так или иначе я сам (в психоанализе такая установка называется нарциссической). Изменить предмет любви трудно, но вполне доступно именно экзистенциальному типу интеллекта. Человек в этом не пассивен. Своё бытийное расположение в мире человек может сначала проанализировать, затем с ним работать. Прежде всего, привести его в соответствие со своими ценностями, которые, как указывалось выше, тоже сначала надо проанализировать. Если любовь окажется одной из моих ценностей, то решить, на что её направлять, когда и как действовать (а это бывает иногда очень трудно).

Именно экзистенциально-феноменологический интеллект решает сложные задачи отношения к миру. Например, когда имеет смысл не обращаться к миру, а убежать от него, что тоже иногда оказывается совершенно необходимо. Умение поставить нужную преграду между собой и миром в нужном месте, а другом месте не ставить. Умение отстраниться от мира, особенно от коллектива и социальности – это зачастую вопрос сохранения своей субъектности и подлинности. На всякий случай иногда полезно отстраниться даже от очень хороших коллективных практик. Отстраняясь, ты оказываешься в одиночестве, и это поначалу больно. Но зато ты восстанавливаешь свою свободу, что позволяет затем присоединиться к другим уже осмысленно. Например, иногда важно помочь другому, а иногда важнее не помогать, потому что другому может быть нужна свобода, в том числе от тебя. Понять, что лучше из многих вариантов, – это тонкое техническое умение, оно развивается через феноменологическое эпохэ, через отстранение от непосредственных целей и даже от самого себя. Чем-то это сродни буддистскому пониманию иллюзорности желаний. На родство феноменологии и буддизма очень правильно указывал Ф. Варела [17].

Пример: юмор и улыбка

В последнем пункте я хочу рассмотреть вопрос, который может показаться частным, но мне он кажется хорошим примером работы ЭФИ. Это вопрос о роли юмора.

Начнём с улыбки, потому что сказать о ней легко. Подлинная улыбка обычно тёплая, она вовлекает людей вокруг. В ней отражается доброжелательное отношение к миру и к людям. В литературе, как художественной, так и психологической, говорится о том, как участвуют в ней губы и глаза (внешние уголки глаз, нижнее веко [4, с. 110]). Все мы обычно хорошо умеем считывать такую улыбку, она важный компонент в социальных взаимодействиях. Все понимают, чем она отличается от всяких других улыбок, усмешек, ухмылок: насмешливых, самодовольных, садистских, гопнических и т.д. Тут вряд ли нужен большой интеллект. Однако улыбка – это сообщение миру о своём отношении. Мимическое сообщение тоже может быть произвольно, почти как речевое. Люди с высоким ЭФИ не просто

улыбаются, они умеют улыбаться. (Это, впрочем, находится на стыке с эмоциональным интеллектом.)

Экзистенциальную философию юмора и смеха обдумать ещё интереснее. Здесь я не буду касаться теории юмора вообще, мне на сегодняшний день этот вопрос представляется неразрешимым. Я буду рассматривать только экзистенциальные оттенки юмора.

Все согласятся, что шутки высмеивают свой предмет. Что значит высмеивать? Часто это обесценивать. Практически всегда это отстраняться. Культура нашей страны знает толк в жанре анекдота. Грубые анекдоты совсем чётко подходят к теории Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному» [9]. З. Фрейд считает, что шутки высвобождают запретные влечения к сексу и агрессии. Когда можно пошутить на сексуальную или агрессивную тему, то это разряжает соответствующее напряжение, т.е. работает как сублимация.

Но грубые анекдоты не нравятся воспитанным и культурным людям, они не работают у них как средство установления доброжелательной атмосферы между людьми. Однако же и анекдоты, и шутки могут быть разные. Некоторые определённо остроумны, и это остроумие достаточно утончённое. В нём иногда и не найдёшь следов секса/агрессии. И нередко прекрасное впечатление производит самоирония.

Приведу в пример надпись с шуточной картинкой, в оригинале она англоязычная: «Континентальный философ + алкоголь = поэт! Аналитический философ + алкоголь = пьяный аналитический философ» (и на картинке весёлые изображения философа, поэта и пьяного). Она, конечно, иронична по отношению к тем и другим, но это лёгкая, приятная, весёлая ирония, которую никто лично может не принимать на свой счёт, и высмеивает она не столько стили философов, сколько шаблоны о них.

Или вот шутка на психоаналитическую тему: «Мне вчера сказали, что я живу фантазиями. Я чуть с дракона не упал». Это весёлая иллюстрация иллюзий о себе, с гротеском, но за счёт гротеска без всякой издёвки над кем-то конкретным.

Есть множество совершенно не унижительных, никого не обижающих типов юмора. Например, бывают словесные игры, бывают неожиданные словоупотребления, есть смешные типы абсурда, вообще что-то неожиданное часто может быть смешным. Если удалить из шутки и из ситуации всякое унижение другого человека (отсутствующего, разумеется, тоже), то, оказывается, ещё можно оставить массу всего «чисто смешного». Гендерные шутки, скажем, редко бывают доброжелательными. Обычно они высмеивают женщин, хотя, бывает, и мужчин. Но некоторым остроумным и в то же время доброжелательным авторам удаётся так посмеяться над разницей мужчин и женщин, что не обидно оказывается ни тем, ни другим. Забавное часто стимулирует мысль, вызывает желание уже всерьёз сформулировать, о каком различии, действительном или шаблонном, идёт здесь речь. Хорошее остроумие оказывается очень полезно в этом смысле.

Оно стимулирует общее чувство жизни и более частную энергию мысли. Смех освобождает. Он может освобождать и от многих хороших вещей, примитивный смех может освободить от приобретений культуры, от сочувствия и от владения собой. Но кроме примитивного смеха возможно очень экзистенциально полезное остроумие, которое помогает жить и освобождает от шаблонов, от привычек и «механического» (как называл это А. Бергсон [2]).

Очень полезно бывает поиронизировать над господствующим дискурсом. Это тоже требует тонкости, дискурс нелегко допускает шутки. И точно от него иногда надо освобождаться. Дискурс, поглотивший своих носителей, их очень ограничивает.

Ещё бывает интересно посмотреть на некоторые мультфильмы и карикатуры. Например, турецкие карикатуры и мультфильмы отличаются теплотой, отсутствием злобности. Они могут показать своего героя забавным, но это ничуть не унижительно. Чтобы рисовать такие рисунки, нужна культура. Тут работает своя техника, что подчеркнуть, каким образом. От западноевропейских малосимпатичных, часто уродливых карикатур это очень отличается.

Отсюда ясно, что для экзистенциально приемлемого остроумия, которое согласуется с определёнными ценностями (скажем, с доброжелательностью), требуется именно интеллект, и весьма развитый.

Заключение

Все мы живём в мире. Мир многообразен: мир науки, социальный мир, мир искусства и философии, мир сексуальных отношений и т.д. Никто не живёт только в одном из этих частичных миров. И точно так же отношение к себе является неким видом мира, родственным социальному, но обладающим своим смыслом. Все имеют отношение к себе, но не все о нём намеренно размышляют.

Инструмент любого размышления – это ум, и ум состоит из некоторых частичных способностей, частичных интеллектов. Были выделены логико-математический, вербальный, Гарднер называл отдельно музыкальный, кинестетический, возможны и другие. Я постаралась показать, что для отношения к себе в широком смысле, включая подлинность присутствия, необходим особый интеллект, который можно назвать экзистенциально-феноменологическим. Он родственен персональным интеллектам Гарднера, но не сводится к ним.

Остаётся вопрос: есть ли метаинтеллект или девять (или сколько угодно) видов интеллекта действуют каждый в своей области, не обмениваясь результатами, не интегрируясь в целое? Конечно, хотелось бы, чтобы интегральный метаинтеллект был. Возможно, его можно было бы описать. Тогда это будет ум в полном смысле слова. Такой ум относится к частным

видам интеллекта подобно тому, как разум относится к рассудку у Канта. Однако в современной развитой теории эти отношения должны быть сформулированы по-новому. Это задача для будущего исследования.

Список литературы

1. *Аллахвердов В.М. и др.* Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 352 с.
2. *Бергсон А.* Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.
3. *Гарднер Г.* Структура разума: теория множественного интеллекта. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. 512 с.
4. *Изард К.* Психология эмоций. М. [и др.]: Питер, 2021. 464 с.
5. *Лэйнг Р.* Расколотое Я. СПб.: Белый кролик, 1995. 350 с.
6. *Нартова-Бочавер С.К., Ирхин Б.Д., Резниченко С.И.* Диспозициональная аутентичность во внутриличностном пространстве // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 3. С. 500–519.
7. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб.: Алетейя, 2007. 720 с.
8. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2004. 639 с.
9. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006. 480 с.
10. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
11. *Цветкова О.А.* Безумие и любовь. Проблема интерсубъективности в экзистенциальном психоанализе Людвиг Бинсвангера. М.: Изд-во Московского института психоанализа, 2024. 214 с.
12. *Шелер М.* ORDO AMORIS // *Шелер М.* Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 339–376.
13. *Ясперс К.* Философия: в 3 кн. Книга 2: Просветление экзистенции. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2012. 448 с.
14. *Chalmers D.J.* Facing Up to the Problem of Consciousness // Explaining Consciousness – The ‘Hard Problem’ / Ed. J. Shear. Cambridge MA: MIT Press, 1997. P. 9–32.
15. *Fodor J.* The Modularity of Mind. Cambridge: MIT Press, 1983. 158 p.
16. *Gardner H.* A Resurgence of Interest in Existential Intelligence: Why Now? // Howard Gardner. 2020. URL: <https://www.howardgardner.com/howards-blog/a-resurgence-of-interest-in-existential-intelligence-why-now> (дата обращения: 18.06.2024).
17. *Gentle Bridges: Dialogues Between the Cognitive Sciences and the Buddhist Tradition* / Eds. F. Varela, J. Hayward. Boston: Shambhala Press, 2014. 288 p.
18. *Parnas J., Sass L., Zahavi D.* Rediscovering Psychopathology: The Epistemology and Phenomenology of the Psychiatric Object // Schizophrenia Bulletin. 2012. Vol. 39. No. 2. P. 270–277.
19. *Parnas J., Zahavi D.* The Role of Phenomenology in Psychiatric Diagnosis and Classification // Psychiatric Diagnosis and Classification / Ed. M. Maj [et al.]. Chichester: John Wiley & Sons, 2002. P. 137–162.
20. *Wood A.M., Linley P.A., Maltby J., Baliouis M., Joseph S.* The Authentic Personality: A Theoretical and Empirical Conceptualization and the Development of the Authenticity Scale // Journal of Counseling Psychology. 2008. No. 55 (3). P. 385–399.

HOMO COGNOSCENS

Elena Kosilova

DSc in Philosophy,
Associate Professor at the Department of Ontology and Theory of Cognition,
Faculty of Philosophy. Lomonosov Moscow State University.
Lomonosovsky prospect 27/1, Moscow 119991, Russian Federation;
e-mail: implicatio@yandex.ru

ON EXISTENTIAL-PHENOMENOLOGICAL INTELLIGENCE

The question of what intelligence is has always worried philosophers. In the 20th century, the IQ test was widespread, measuring the speed of intellectual operations, mainly logical and verbal. This indicator was criticized, and the very idea of intelligence was questioned. Standard IQ says nothing about the subject's success in life and his ability to understand world events beyond abstract operations. The concepts of emotional intelligence, social intelligence and others were introduced. American psychologist H. Gardner proposed 8 types of intelligence, such as musical, kinesthetic, personal. This article develops his idea and proposes existential-phenomenological intelligence. It is responsible for the subject's value thinking, for his/her attitude to the world, for building a developed worldview. The criterion of truth of this type of intelligence is authenticity. Phenomenological intelligence is responsible for dispassionate self-knowledge, the existential one for value assessment and goal setting. The theoretical discussions of existential intelligence are illustrated by an example: the attitude to humor. At the end, the question of integral intelligence, meta-intelligence, is formulated. Such intelligence may mean a wise human mind. It relates to particular types of intelligence similarly to how reason relates to reasoning in Kant, but in a modern developed theory these relationships must be formulated in a new way.

Keywords: human, intelligence, wise mind, IQ, existential intelligence, phenomenological intelligence, existential-phenomenological intelligence, authenticity, humor, Howard Gardner

References

1. Allakhverdov, V.M., et al. *Ehksperimental'naya psikhologiya poznaniya: kognitivnaya logika soznatel'nogo i bessoznatel'nogo* [Experimental Psychology of Cognition. Cognitive Logic

of the Conscious and the Unconscious]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2006. 352 pp. (In Russian)

2. Bergson, A. *Smekh* [Le Rire – Essai sur la signification du comique]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1992. 127 pp. (In Russian)

3. Chalmers, D.J. “Facing Up to the Problem of Consciousness”, *Explaining Consciousness – The ‘Hard Problem’*, ed. J. Shear. Cambridge MA: MIT Press, 1997, pp. 9–32.

4. Fodor, J. *The Modularity of Mind*. Cambridge: MIT Press, 1983. 158 pp.

5. Freud, S. *Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu* [Wit and Its Relationship to the Unconscious]. Moscow: AST Publ., 2006. 480 pp. (In Russian)

6. Gardner, H. “A Resurgence of Interest in Existential Intelligence: Why Now?”, *Howard Gardner*, 2020. [<https://www.howardgardner.com/howards-blog/a-resurgence-of-interest-in-existential-intelligence-why-now>, accessed on 18.06.2024].

7. Gardner, H. *Struktura razuma: teoriya mnozhestvennogo intellekta* [The Structure of the Mind: The Theory of Multiple Intelligences]. Moscow: I.D. Vil'yame Publ., 2007. 512 pp. (In Russian)

8. *Gentle Bridges: Dialogues Between the Cognitive Sciences and the Buddhist Tradition*, eds. F. Varela, J. Hayward. Boston: Shambhala Press, 2014. 288 pp.

9. Heidegger, M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow: Ad Marginem Publ., 1997. 451 pp. (In Russian)

10. Izard, C. *Psikhologiya ehmtsii* [Psychology of Emotions]. Moscow: Piter Publ., 2021. 464 pp. (In Russian)

11. Jaspers, K. *Filosofiya* [Philosophy], Vol. 2. Moscow: Kanon+ Publ., 2012. 448 pp. (In Russian)

12. Laing, R. *Raskolotoe Ya* [The Divided Self]. St. Petersburg: Belyi krolik Publ., 1995. 350 pp. (In Russian)

13. Nartova-Bochaver, S.K., Irkhin, B.D., Reznichenko, S.I. “Dispozitsional'naya autentichnost' vo vnutrilichnostnom prostranstve” [Dispositional Authenticity in Intrapersonal Space], *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ehkonomiki*, 2020, T. 17, No. 3, pp. 500–519. (In Russian)

14. Parnas, J., Sass, L., Zahavi, D. “Rediscovering Psychopathology: The Epistemology and Phenomenology of the Psychiatric Object”, *Schizophrenia Bulletin*, 2012, Vol. 39, No. 2, pp. 270–277.

15. Parnas, J., Zahavi, D. “The Role of Phenomenology in Psychiatric Diagnosis and Classification”, *Psychiatric Diagnosis and Classification*, ed. M. Maj [et al.]. Chichester: John Wiley & Sons, 2002, pp. 137–162.

16. Porshnev, B.F. *O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii)* [On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology)]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2007. 720 pp. (In Russian)

17. Sartre, J.-P. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology]. Moscow: Respublika Publ., 2004. 639 pp. (In Russian)

18. Scheler, M. “ORDO AMORIS” [ORDO AMORIS], in: M. Scheler, *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 339–376. (In Russian)

19. Tsvetkova, O.A. *Bezumie i lyubov'. Problema intersub'ektivnosti v ehkzistentsial'nom psikoanalize Lyudviga Binsvanger* [Madness and Love. The Problem of Intersubjectivity in the Existential Psychoanalysis of Ludwig Binswanger]. Moscow: The Moscow Institute of Psychoanalysis Publ., 2024. 214 pp. (In Russian)

20. Wood, A.M., Linley, P.A., Maltby, J., Baliousis, M., Joseph, S. “The authentic personality: A theoretical and empirical conceptualization and the development of the authenticity scale”, *Journal of Counseling Psychology*, 2008, No. 55 (3), pp. 385–399.